

ОЛИVER

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ФОКУСНИКА
ЖЕНА

Олли Ver
Жена фокусника
Серия «Сказка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36555385

SelfPub; 2021

Аннотация

Многоликий псих, безумный и совершенный в своем таланте дарить людям боль... ты вернулся ко мне? Пришел рассказать мне то, чего я еще не знаю о самой себе – показать истины, спрятанные в глубине моей несокрушимой уверенности в собственной непогрешимости? Санаторий "Сказка" снова открывает свои двери, ослепляя светом огней, оглушая басами музыки, завораживая блеском похоти. Он берет меня за руку и погружает в глубины мерзкой, грязной, ненасытной человеческой сущности, дабы показать мне, что я не так уж честна с собой. Возможно, между нами не так уж мало общего? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Два слова	4
Глава 2. Мы все ложимся в постель с незнакомцами	27
Глава 3. Кусок белого золота	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Олли Ver

Жена фокусника

Глава 1. Два слова

Я с нетерпением ждала звонка в дверь. Сказать, что я нервничала, значит не сказать ровным счетом ничего – у меня руки тряслись. Не сильно и, наверное, это было едва заметно потому, как Сонька моей паники не замечала. Да и, слава Богу. Но я-то чувствовала. Я волновалась как первоклашка первого сентября, как девственница в первую брачную ночь, как... да хрен сними, с метафорами. Жаль, что нельзя принять на грудь известное количество «фронтальных» – дело явно пошло бы не по плану, но зато гораздо легче. Я снова кинула быстрый взгляд на дочь – она, не замечая моей безмолвной истерики, безжалостно уничтожала мармеладных медведей одного за другим и смотрела, как по экрану бегают какие-то дикие существа, отдаленно напоминающие внебрачных детей табуретки и макаки. Такими мультяшные герои могли бы быть, если бы мультфильмы сочинял человек с нездоровой психикой в период обострения, под LCD или еще какой-нибудь, разгоняющей мозги, чепухой. Я уже давно перестала обращать внимание на то, что смотрит моя дочь. Жуть – до костей пробирает. Я лишь периодически све-

ряю её поведение, расстановку приоритетов и мысли на соответствие уголовному кодексу. Пока все в пределах нормы.

– Мам, а можно мне еще одного «Кроша»?

Я кивнула:

– Сейчас принесу, – я поднялась с дивана, забрала телефон и пошла на кухню. Честно говоря, я была рада улизнуть – не хотела показывать слабинку дочери, и уж меньше всего мне хотелось, чтобы мое волнение передалось ребенку, который определенно не сможет понять, чего ради меня так колотит.

Действительно, чего ради? Мы встречаемся уже почти полгода. Это довольно приличный срок. Ну, ладно – достаточный, чтобы с уверенностью сказать – он не псих, не маньяк, не алкоголик и не наркоман, а в наше суровое время это уже более чем весомые аргументы, чтобы пригласить его ко мне домой. И не тогда, когда дочери дома нет, а именно в тот момент, когда она здесь. Достаточно, чтобы сказать: «Соня, познакомься – это Антон. Он мой друг и мы с ним встречаемся».

Встречаемся? Слишком взрослое, слишком всеобъемлющее слово, которое не даст ребенку совершенно никакого понятия о том, какого рода друг мамы стоит сейчас перед ней. И как же назвать «это» да так, чтобы ребенок семи лет увидел некий пунктир, который очень тонко, очень неточно и с кучей всевозможных оговорок, очерчивает претендента на (возможно!) маминого сожителя (какое слово дурацкое...) в

очень далеко в будущем?

Я разблокировала телефон, нажала иконку «сообщения» и написала: «Где ты? Опаздываешь». Нажала «отправить» и сообщение унеслось в бесконечный поток других смс, разлетающихся по всему свету, как пыльца неведомого растения. Открыла холодильник и нашла еще одну коробочку с детским молочным коктейлем, где развеселый кролик скалил на меня два передних зуба. Чего улыбаешься? Как мне, по-твоему, это назвать? Дружим? Гуляем вместе? Господи, глупость какая... Со взрослыми все просто: «Знакомься – это Антон», – и по тому, как по-хозяйски нежно этот самый Антон поглядывает на мою задницу, любой взрослый сам договаривает фразу: «Мы с ним спим». Все. Точка. С детьми это не работает. С детьми нужно...

В моей руке завибрировал телефон. Я посмотрела на экран.

«Антон».

Я напряглась. Очевидно, что-то пошло не так... Странно, раньше за ним такого не водилось. Я беру трубку:

– Ты где?

Но на том конце провода мне отвечает не низкий, с легкой хрипотцой голос Антона, а взрослый, женский, немного уставший и казенно-равнодушный:

– Девушка, вы молодому человеку кем приходитесь?

От наглости голоса и бесцеремонности вопроса у меня застревает ком в горле, но где-то на задворках сознания начи-

нает подниматься волна:

– Вы кто? – спрашиваю я.

– Мы не нашли никаких документов. Пытались найти телефоны родственников, но так и не нашли номера ни матери, ни отца в записной книжке.

– Кто вы? Где Антон? – говорю я, слыша, как зазвенел собственный голос.

– Я медсестра. Молодой человек в БСМП. Он в травматологическом отделении. Без сознания. Как нам связаться с его родственниками?

Я чувствую, как подгибаются колени, слышу как оглушительным водопадом кровь грохочет в моих ушах, и как собственное горло, безо всякой команды со стороны мозга говорит:

– Никак, – говорю, я, слыша, как хрипнет мой собственный голос. – Он детдомовский...

Руки трясутся, и я никак не могу унять дрожь. Женщина, что говорила со мной по телефону – низенькая, светловолосая – старательно записывает с моих слов фамилию, имя, отчество, адрес проживания. Нет, я не знаю, совпадает ли он с пропиской. Да, он точно прописан в этом городе. Документы? Документы обычно лежат в машине. Я не знаю, где она сейчас. Нет, не знаю группы крови. Аллергические реакции? Не знаю. Курит. Пьет, умеренно. Операции? Не в курсе. Непереносимость медицинских препаратов? Не знаю. Нет,

не знаю. Не в курсе. Не уверена, но, кажется, нет. Нет. Нет. Нет. Я не знаю. И пока из меня сыплется «нет» всех мастей, я ловлю себя на мысли о том, как же плохо я его знаю — я знаю, какие сигареты он курит, какой алкоголь предпочитает, знаю, что он любит телятину и не любит курицу, знаю, что его раздражает, когда курят в постели, знаю, что ему безумно нравятся мои ноги, знаю, что он любит в сексе. Но, вряд ли все эти знания сейчас пригодятся медицинскому персоналу. И в голове рождается весьма неудобный вопрос — кто же мы друг другу — близкие или чужие? Что считается настоящей близостью — знание того, какого числа выдан его паспорт, твердая уверенность в том, что если я приготовлю салат с сельдереем, он к нему даже не притронется, учуяв его еще с порога или абсолютное, топографически дотошное знание рельефа и всех особенностей строения его детородного органа? Я его знаю или нет? Где же эта чертова точка отсчета? Где ориентиры, буйки, светоотражающие полосы? Как мне понять, чего стоит все то время, что мы провели вместе? Это время — оно потеряно или накоплено? Можно полгода спать с человеком и оставаться чужими. Можно прожить с человеком в браке десять лет и так и не стать близкими людьми. Можно провести всего две ночи, чтобы узнать о нем так много, что никак не удастся забыть...

Пошел вон из моей головы!!!

Женщина поднимает телефонную трубку доисторического телефонного аппарата и звонит куда-то. Она приглашает

кого-то прийти на пост. А мне решительно нет никакого интереса, кто это и зачем она ему звонит, но мне есть дело до того, к кому я приехала. Я хочу увидеть человека, ради которого я оставила ребенка у соседки и понеслась на другой конец города. Женщина кивает головой и кладет трубку:

– Подождите (никаких тебе «пожалуйста» или «присаживайтесь»), сейчас придет лечащий врач.

Я кивнула и отошла от стола с высокой стойкой. Коридор пустой, что неудивительно – конец приемного времени. Здесь тихо, пахнет медикаментами и казенной едой. Меня перестало подкидывать, но кишки стали закручиваться в морские узлы. Эхо моих шагов отлетают от стен с неудобным звуком шариков от пинг-понга, и это странным образом пугает меня гораздо больше, чем все ситуация в целом.

В конце коридора открывается дверь и появляется мужчина – высокий, худой с узким, усталым лицом. Внешние уголки его глаз немного опущены вниз, и это делает его взгляд грустным. Белый халат на нем висит, несмотря на то, что по плечам сидит размер в размер. Он идет медленно, на ходу листая папку с бумагами, бегло просматривая исписанные листы. Когда до меня осталось лишь несколько шагов, он поднимает голову, но смотрит не на меня, а не светловолосую медсестру, сидящую за столом:

– Кровь пришла? – спрашивает он.

Та отрицательно помотает головой.

– Уже должна была. Сходи в лабораторию, – говорит он и

тут же поворачивается ко мне. — Вы к молодому человеку из четыреста семнадцатой?

Я киваю. Он идет навстречу ко мне, медсестра поднимается и, обойдя стол, семенит короткими, полными ногами по коридору, направляясь к двери, из которой только что явился мужчина.

— Меня зовут Анатолий Маркович. Я лечащий врач.

— Марина, — сказала я, удивившись тому, до чего же спокойно звучит мой голос.

Он кивает:

— Вы кем ему приходитесь?

— Мы встречаемся.

Врач понимающе кивает и опускает глаза в бумаги. Вот — со взрослыми все просто.

— Документы привезли?

— Я даже не знаю, где они.

— Поищите?

— Постараюсь.

— Будьте любезны, а то он у нас оформлен, как бомж.

— Могу я его увидеть?

— Я настоятельно не рекомендую. Он пришел в сознание, но находится под сильными обезболивающими, так что поговорить у вас не получится. Выглядит он хуже, чем дела обстоят на самом деле, так, что вы скорее напугаетесь, чем получите объективное впечатление. Я бы вам не советовал.

— Ладно, — киваю я. — Что с ним? Объективно.

– Объективно... – он раскрывает карту и пробегается взглядом по одному листу, отгибает его, смотрит на бумагу под ним, возвращается к первой и снова наспех просматривает. – Жить будет. У него сотрясение средней тяжести, сломана правая нога и множественные гематомы. Но он молодой. Организм хорошо справляется.

– Анатолий Маркович, что именно с ним случилось?

– А что, полиция с вами не связалась? – удивленно вскидывает брови врач, поднимая на меня глаза.

– Нет, – отвечаю я, ошарашено.

– Его избили.

Я открыла рот, но стояла, не говоря ни слова. И лишь когда я услышала собственный выдох – прерывистый, предистеричный – поняла, что меня интересует только один вопрос:

– Кто?

– Я не знаю. Мы прибыли на место когда полиция уже была там. Неужели вам до сих пор не звонил следователь?

– Нет.

– Странно, обычно они первыми выходят на связь с родственниками.

– Мы не родственники.

– Ну, не суть. Мы же поняли, что вы близки хотя бы по тому, как часто ваше имя встречается в записной книжке. Поэтому медсестра и позвонила вам.

– Его телефон у вас?

Врач кивает.

– Погодите. Он же должен быть у следователя? Если они занимаются расследованием, телефон нужен им в первую очередь!?

– Значит, они научились обходиться без него. Слушайте, с этими вопросами вам не ко мне нужно обращаться.

– Да, да... простите, я просто... Где его нашли?

Врач смотрит в медкарту:

– Копылова сорок три.

– Это рядом с его домом. Что еще было при нем, кроме телефона?

– Ничего. Да и телефон был не при нем, а рядом с ним. Какие-то парни вызвали по нему «скорую». Повезло еще, что не сперли. Документы привезите.

– Да, да... – говорю я рассеяно, глядя в пол.

Трясти меня перестало.

Открыв его дверь, я поняла, что мне нехорошо – живот закрутило, по телу волной пробежал холод. Я вздрогнула, стиснула зубы. Шагнула за порог и какое-то время я просто стояла в коридоре, не понимая, что мне теперь делать. Чужая квартира хранит дыхание своего хозяина. Сколько раз я бывала здесь? Сто, двести, тысячу раз? Я не знаю, я не считала. Да и кто будет считать, когда вы в нескольких шагах от постели и едва успеваете снять с себя трусы? Но сейчас его квартира казалась мне чужой и холодной. Она смотрела на

меня небрежно, презрительно, словно не узнавала меня, а я чувствовала себя вором.

Где же ключи от машины? Я повернула голову к прихожей, где на плечиках висела ветровка, а на небольшом столике лежал сложенный зонт и ключ, с узнаваемым круглым, сине-белым значком. Я схватила его и бросилась из квартиры прочь.

Машина Антона была припаркована практически у самого подъезда. Я поспешила к ней, все еще ежась от того чувства, что оставила во мне пустая квартира моего любовника, искренне надеясь, что уж машина-то не будет со мной так жестока. Я нажала кнопку открывания двери на брелке – сигнализация коротко пискнула, замки открылись, я дернула ручку и открыла дверь. Запах ванильного освежителя салона, волна тепла от нагретой кожи и отблеск солнца в лобовом. Я опустила взгляд на переднее водительское сиденье и почувствовала, как сердце разгоняется от нуля до ста, за две и семь десятых секунды, заглушая собой весь мир грохотом собственной крови ушах – на сиденье лежала записка, сложенная вдове. На ней, небольшими размашистыми буквами, написанными красивым, аккуратным почерком, всего два слова. Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри поднимается девятибалльная волна, которую я еле сдерживаю, хватаясь за собственное горло, желая задушить себя прежде, чем посмею зареветь. Я чувствую, как ползут по щекам слезы, горячие, свинцовые. Всего два слова, мать его. Два гребаных

слова, и всё мое будущее летит к чертям.

«Привет, Кукла»

Два гребаных слова.

Мелкий ублюдок. Щенок. Выродок.

Пока медсестра перелистывала страницы его паспорта, я смотрела на неё и чувствовала, что меня тошнит. Желудок подобрался к глотке, а его место занял кусок льда, который заставлял меня дрожать. Каждое неосторожное движение грозило вывернуть меня наизнанку, а потому двигалась я медленно, говорила тихо, и периодически закрывала глаза. Медсестра, посмотрев на меня профессиональным взглядом, оценила мое состояние на троечку, и предложила мне «Корвалол», вероятно списав мое состояние на счет Антона. Корвалол? Боюсь, он тут совершенно бессилен. Но, если у вас вдруг, по забывчивости (почему бы и нет?), где-нибудь в дальнем углу ящика стола завалялась таблетка «панацеи», я бы не отказалась. Интересно, а ей скажет о чем-нибудь такие сочетания латиницы и цифр, как C24... и что-то там еще? Я бы очень удивилась. Я отрицательно мотнула головой. Женщина кивнула, опустила голову и продолжила неторопливо заполнять недостающую информацию, то занося данные в компьютер, то записывая простой шариковой ручкой в его карте. Я смотрела на неё невидящим взглядом. Что мне теперь делать? Единственный вопрос, раздулся в моей черепной коробке, как огромный воздушный шар, который вытес-

няет резиновыми боками все остальное, занимая собой абсолютно все пространство, не позволяя мне думать ни о чем другом.

Что же мне теперь делать?

Завибрировал телефон, и я в буквальном смысле слова подскочила. Трясущимися руками я полезла в сумку, и пока я пыталась справиться с замками, бесчисленными отделениями и карманами, молилась Богу. Я практически уверена, что делала это про себя, но не удивилась бы, услышав собственный голос, отражающийся от высоких потолков и узких стен больницы: «Пожалуйста, только не 0715, только не 0715. Господи...»

Весь этот год, что прошел с той злополучной ночи, которую так щедро подарила мне «Сказка», номер заканчивающийся цифрами 0715 ни разу давал о себе знать, кроме одного единственного сообщения:

«С днем рождения, Кукла».

Вот так, никаких тебе нежностей, соплей и прочей никому не нужной мишуры.

Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы я не сомкнула глаз всю ночь и заснула лишь под утро.

Сейчас руки мои ходили ходуном, и я никак не могла справиться с замком маленького кармашка, в котором всегда лежал мой гаджет. А телефон все звонил и звонил, вибрируя в моей сумке, словно псих. Он заставил мои руки покрыться холодным потом, он завернул мои кишки в узел, он заставил

меня трястись. И я уже не о телефоне.

Замок поддался, телефон юркнул в руку. Я повернула его экраном к себе.

Муж. То есть, бывший муж.

Мой собственный выдох оглушительный и рваный, вышел из моих легких короткими толчками. Иконка с зеленой трубкой вправо:

– Привет, – говорю я. На том конце тихий голос. – Нет, мы не дома. Что ты хотел? Конечно. Да, да, не вопрос. Сонька у соседки, а я в больнице. Нет, нет. Я в порядке. Я... Я тебе дома расскажу. Во сколько ты приедешь?

Мы сидели на кухне, а Соня смотрела мультфильмы в зале. У неё уже был выпускной в детском саду и это её первое лето перед школой, а потому я разрешала ей ложиться спать чуть позже, чем обычно – ведь она уже почти взрослая. Лишь поэтому, в половину одиннадцатого вечера она все еще не спала. Мой же двухнедельный отпуск начинался с сегодняшнего дня. Неплохое начало.

– И все три недели она проживет там совсем одна? – спрашиваю я.

– Не одна. Вожатая и полтора десятка детей её возраста. И это только её группа. Сама понимаешь, лагерь набит битком – сейчас самый сезон. Оксана, – тут он неловко кашлянул, – говорит, что смена подобралась очень хорошая. Ребятишки замечательные.

Я кивнула. Понимаю, конечно, что мнение Оксаны должно было как-то воодушевить меня но, почему-то не воодушевило.

Что же за день такой? Почему всё и сразу, как из ведра? Прямо на голову...

– А если ей там не понравиться?

– Мы уже возили её туда. На несколько дней, правда, но она была в восторге. Она рассказывала тебе, помнишь?

– Я помню, помню. Просто, одно дело приехать туда на пару дней и совсем другое – на три недели.

– Ты знаешь Соню. Она контактная, общительная и очень хорошо сходиться с людьми.

– Я знаю, знаю... – тихо бубнила я, чувствуя, как по спине снова поднимается мерзкая, холодная испарина.

Именно сейчас я отчетливо понимала – я хватаюсь за Соньку не потому, что она нуждается во мне, а потому что я нуждаюсь в ней. Во мне говорит эгоизм. Мерзкий, жадный и беспринципный. Да, я рассчитывала на две недели рядом с ребенком и моим новоиспеченным кавалером в его новом статусе. Официальном статусе. Теперь, когда мои планы летят к чертям, я чувствую себя так, словно какая-то невидимая сволочь стоит за моей спиной и тихонечко поливает меня из лейки ледяной водой.

– И все-таки, если ей не понравиться?

– Заберу её домой.

– Почему ты?

– Не знаю. Я подумал, что ты тоже захочешь отдохнуть. Нечасто тебе выдается возможность полноценно отдохнуть, исключительно ради самой себя? Две недели где-нибудь далеко отсюда, без забот и хлопот. Египет, Турция, Таиланд? – он вопросительно вскинул брови и посмотрел на меня, видимо ожидая, что я не смогу сдержать улыбки от столь неожиданного, чертовски заманчивого предложения и такой нежной, трогательной заботы обо мне. Но все, что увидел – задумчиво сдвинутые брови и поджатые губы. Он скользнул взглядом вниз. – Марин, это конечно не мое дело, но... – вздох, полный неловкости голос, – может, я смогу чем-то помочь твоему молодому человеку?

Я посмотрела на него:

– Ты врач?

– Нет.

– Тогда, боюсь, ты ничем не можешь ему помочь.

– Ну, я могу позвонить кое-кому. Есть у меня...

– Я видела его лечащего врача – на кретина он не похож.

Все. Начинаю заводиться. Спокойно, Марина. Он не пытается тебя обидеть, он пытается помочь. Криво, косо, но все же от чистого сердца. Вроде бы. Блин, я уже не понимаю, где искренность, а где вранье.

– Слушай, я... Извини, я не хотела грубить.

– Да все нормально. Я бы в такой ситуации тоже...

«Нет, – думаю я и стискиваю руку в кулак, пряча её под стол, – ты бы не сорвался. Ты бы был примером для подра-

жания. Демонстрацией стойкости и хладнокровности, взвешенности и титанического спокойствия. Ты бы, мать твою, возвышался над любой неприятностью, молчаливый, крепкий и надежный, как скала. Тихий и всепрощающий. Ты не такой, как я. Ты по-прежнему лучше меня. По-прежнему...»

– Слушай, если не хочешь – оставим все, как есть. Проведёте эти недели вместе...

– Нет, – сказала я, пожалуй, громче, чем хотела. Вдох, выдох, и уже тише. – Ты прав, ей там будет интереснее, чем со мной (и безопаснее). Просто, я хочу быть уверена, что с ней все будет хорошо.

– Там Оксана, я же сказал. Она с неё глаз не спустит...

– Оксана ей не мать! – закричала я (тише, Марина, тише!). – Ты меня извини, но Соня ей не дочь. Это, знаешь ли, огромная разница – свой ребенок и ребенок твоего мужика от первого брака. Это тебе она любовница, а ей она никто и звать никак.

– Знаешь, – замялся он, – об этом я тоже хотел с тобой поговорить, – он замялся, перебирая пальцами, опуская глаза вниз и елозя взглядом по столешнице, словно именно там найдется подходящие слова. – Мы подали заявление в ЗАГС.

Я закрыла глаза.

Отлично.

Спустя полчаса я закрыла за ними дверь. Мы решили (то есть так решил мой бывший муж), что он сам увезет её в ла-

герь. На общие сборы мы уже опоздали (они были вчера), но он прекрасно знает дорогу. Завтра они встанут в пять, выйдут в шесть и к десяти уже будут на месте. Четыре часа в дороге мою дочь не смутили. Её вообще ничего не могло смутить после слов «три недели в лагере». Она подскочила и начала прыгать по комнате, словно ей четыре года, а не полных семь. Она по очереди обнимала то меня, то отца, её глазенки блестели, рот растянулся до ушей и, не закрываясь, сыпал всевозможными звуками восторга. Сумку мы собрали быстро. Да и много ли нужно ребенку? И когда последняя пара трусов легла в небольшой чемоданчик и молния застегнулась, Пуговица уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в прихожей. Слушая мои напутствия, она с полной самоотдачей кивала мне на любое сказанное мною слово, не слушая абсолютно ничего из того, что я говорю. Она уже была в дороге. Я понимала её – наверное, это одна из самых прекрасных вещей на свете – дорога туда, куда тебе очень сильно хочется. Единственное, на чем я настаивала настолько рьяно, что моя дочь меня услышала – один звонок или одно сообщение в день. На этом мы обнялись, я поцеловала её в нос, она стиснула мою шею и поцеловала в губы. Затем она выскочила за дверь, таща за собой тяжелого и неповоротливого отца, который на прощание повернулся ко мне:

– Можно совет?

– Валяй, – тихо ответила я. Сил у меня уже почти не осталось, и я очень хотела поскорее закрыть за ним дверь.

– Если все-таки поедешь отдыхать, выбери что-то поспокойнее. Может не Египет и не Кипр. Может тебе выбрать что-то потише, да поближе. Дом отдыха или база. На худой конец, санаторий какой-нибудь...

Я вздрогнула и поняла на него глаза. Я вцепилась в его лицо взглядом, пытаюсь понять, что это сейчас было – совпадение или... Или что, Марина? Неужели ты думаешь, что он как-то связан с санаторием? Как-то связан с... Имя похотливой шавки буквально застряло в горле, цепляясь острыми шипами в глотку, не давая мне произнести себя. Меня снова окатило ледяным потом с ног до головы. Стало жарко и холодно одновременно. Санаторий? Неужели? Но спокойное лицо моего бывшего мужа, который вот-вот станет мужем уже совершенно другой женщины, не выражало ничего, кроме сочувствия, неловкости и вины. Этот «коктейль» мне знаком давно. Он говорит «Ну, пока». Он добавляет «Я позвоню, как только мы приедем». Он делает несколько шагов назад, ведомый крохотной ручкой и под грохот моего сердца, скрывается из виду.

Я остаюсь одна.

Сердце грохочет, воздух свистит в моих легких, по спине ползет капелька пота, и я чувствую её медленный ход от позвонка к позвонку, чувствую, как она скатывается по спине, преодолевая последние несколько сантиметров и, добравшись до пояса шорт, впитывается в ткань, становясь крохотным олицетворением моей паники.

Они оба знают меня слишком хорошо. Слишком. Гораздо лучше, чем мне хотелось бы.

Я закрываю дверь. Тихо. Чтобы ни одна живая душа не догадалась, как мне страшно.

Я стою перед закрытой дверью и истерично молчу.

Что же они знают обо мне? Нет, не так. Что же они знают обо мне одинаково? Очевидный ответ приходит самым первым, но ЭТО знание каждый из них получил сам по себе. Страшно другое – есть вещи, которые один из них знал задолго до того, как впервые протянул мне руку для знакомства.

Марина, ты сходишь с ума! Это паранойя!

Это уже не похоже на мысли, это – бегающие по тонущему кораблю, крысы.

Никакой связи быть не может. Мой муж знает, почему он развелся со мной, но никогда он не спрашивал, почему развелась с ним я. Никогда он не спрашивал, почему меня так бесило то, что Соня к нему тянется. Никогда он спрашивал меня, отчего меня так раздражает его влияние на неё. Более того, он даже не подозревает, что меня выводит из шаткого равновесия любая выигранная им битва за её расположение. Он считает её любовь чем-то совершенно естественным, и он слишком эгоистичен, чтобы заметить, что мои позиции не так крепки. Да, наши с Пуговицей отношения стали намного лучше, после того, как... Господи, даже вспоминать об этом не хочу.

Главное не то, какие ответы они знают, а то, какие вопросы задают. А вопросы у них точно разные.

И тут я вспоминаю картину, которая не давала мне спать месяца три – толпа вопящих мужиков, чьи слюни разлетаются в приступе бешенства. Они кричат, они скандируют, они неистово орут, трясая кулаками в воздухе, глядя на двух женщин в центре круга. Женщины дерутся, ломая ногти, выдранные волосы летят, как перья боевых петухов, и где-то в глубине этого клубка слышно неистовое дыхание и отчаянное желание жить. А потом одна из них толкает другую, поднимается на ноги и вцепляется в красивого молоденького доberman, разрывая ему яремную вену голыми руками.

Нет, они точно не знают друг друга. Потому что иначе этот мелкий гаденыш знал бы, что меня загонять в угол нельзя. Он знал бы это, потому что мой бывший муж это знает.

Была у нас ситуация, когда мы перешли все границы. Когда мы еще были достаточно влюблены друг в друга, но недостаточно мудры. Была ситуация, когда мы оба были неправы, но только у меня хватило ума довести дело до непотребства. Ведь я не так хладнокровна, как мой бывший муж.

Я закрыла дверь на замок. Только теперь до меня дошло, как же сильно я боюсь. Боюсь того, что осталась одна. Теперь в моей собственной квартире, которая внезапно стала крохотной, как тюремный карцер, у меня нет никого, кто вступился бы за меня. Я знаю – тут никто не поможет, и если шайка бездомных дворняг захочет, они придут сюда в любое

время – с шиком и блеском, а может тихо и незаметно. Они придут, как захотят, и я ничего не смогу сделать.

Но я могу сбежать.

Я быстро зашагала в зал, села за письменный стол и открыла ноутбук.

Горящие туры. Куда? Да хоть куда, лишь бы как можно дальше отсюда. Итак, есть возможность улететь прямо сегодня ночью. Прекрасно! Цена заоблачная. Ну, это не так страшно, если речь идет о...

Хм, забавно, но чем именно я рискую? Интересно было бы все-таки обозначить круг ставок, потому как играть вслепую уж очень скучно.

Я тихонько захохотала. По-моему у меня начинается форменная истерика.

Ну что же, по мне так уж лучше смеяться, чем рыдать. Итак, если это щенок... Ага, вот отличный вариант! Пекин, две недели, все включено. Что у нас там с ценой? Огогошеньки, скажу я вам, друзья мои. Таких денег у меня просто нет в наличии. Едем дальше. Если похотливая дворняга доберется до меня, то с какой целью? Я помню, помню – если я не научусь жить без тебя – будет по-моему. Но что именно будет? Может, я зря преувеличиваю и все, что ему от меня нужно – это секс трижды в неделю. Тогда и я не против. Кто же откажется от молоденького любовника? Красивого, страстного, обаятельного? Псих? Ну что ж, у каждого свои недостатки. Я тоже не самой твердой психики, не самого большого ума,

а посмотрите, какой на меня спрос!

Я захихикала снова. Мой смех напугал меня.

Что есть еще? Вот! Пхукет, две недели. Цена обворожительная и уехать можно прямо сегодня ночью. То есть утром, в пять тридцать. Отлично!

Я нажала зеленую кнопку «забронировать». На экране появилось окно, где под вращающимся кружком «глубокой задумчивости» было написано: «Пожалуйста, приготовьте паспорт для оформления брони».

Да не вопрос!

Я поднялась и зашагала в коридор к сумке, в которой лежал мой паспорт.

Мой телефон коротко звякнул.

Я застыла на полпути и нервно хохотнула. На моем лице застыла глупая улыбка — я не верила тому, что услышала. Еще сильнее и еще отчаяннее я не верила тому, что подсказывало мне шестое чувство. Так и не добравшись до паспорта, я медленно вернулась в комнату, тихо переступая босыми ступнями, словно боялась увидеть там призрака. В каком-то смысле так оно и было.

Зашла в комнату и медленно прошла к столу. Телефон покоился на нем. Экран уже не светился, и лишь крохотный значок сообщения в маленьком кружке горел на фоне черного дисплея.

Я разблокировала телефон и нажала на сообщение.

Тишину моей пустой квартиры заполнил смех. Сначала

тихий, тонкой примесью сумасшествия, он быстро перерастал в жуткий, совершенно безумный хохот, разливаясь по моему разуму полноценной истерикой. Я держала её руками, я запихивала её обратно в рот, скомканную в комок страха и неконтролируемой ненависти. Я боялась быть услышанной. Я сползла на пол, плача и смеясь. Я смеялась над мужчиной, что лежал сейчас в травматологии с переломанной ногой и пробитым черепом – еще вчера он был моим любовником, а сегодня я поняла, что не люблю его. Совершенно. Я ни разу не вспомнила о нем с того момента, как перешагнула порог дома, не проронила ни единой слезинки. Я плакала от радости потому, что моя дочь едет в дорогой машине с надежным, любящим отцом, подальше от всей той мерзости, в которую вляпалась её мать. Старый и слабый, страх вспыхнул во мне с новой силой так, словно никогда и не затихал. Он взорвался огромным атомным зарядом, и на фоне желто-белого гриба, поднимающегося к самым небесам, стало очевидно, что есть я – жадное, эгоистичное, себялюбивое животное, которое слишком любит себя, чтобы искренне любить кого-то еще. Я оплакивала только себя, и страха стало больше, чем я могла вытерпеть – мне жутко от того, что есть люди, которым позволено ВСЕ.

Один из них только что одним легким движением перечеркнул все, что я строила.

«Пхукет? Ты серьезно?» – тихо смеялось мне в лицо сообщение от номера, заканчивающегося на 0715.

Глава 2. Мы все ложимся в постель с незнакомцами

Кромешная тьма и тишина ночи. Она обволакивает меня, нежно прикасаясь ко мне. Пальцы, горячие и ласковые, обвивают мою ногу чуть выше лодыжки. Мне нравится то, как сжимается рука, заставляя меня, вздрогнуть – хочет подчинить меня себе. Я не против. Я улыбаюсь от того, как медленно горячая ладонь поднимается по моей ноге к колену. Следуя за изгибом моего тела, рука спускается по моей коже, описывая изгиб внутренней поверхности бедра. Я послушно замираю, ощущая огонь руки, который все ближе и ближе к границе безмолвия. Еще мгновение, еще сотая доля секунды, и я не смогу сдержать тихий стон, который разнесется в тишине благодарностью за нежность. Но рука горячим обманом огибает мою похоть, лишая меня того, чего я так хочу, и поднимается выше. Тонкий бархат губ распускается под моими пальцами как цветок. Горячее дыхание опалает подушечки. Я улыбаюсь. Ночь ласкова со мной, как и всегда. Ночь любит меня, и я отвечаю ей взаимностью. Ладонь ложится на мою грудь. Я выдыхаю, и с тихим стоном в тишину летит имя.

Я так соскучилась по тебе.

Мне становиться нестерпимо сладко. Мне становиться

невыносимо тесно в моем теле. Мне так хочется пробраться в тебя словно вирус, залезть в твою голову, забраться в твое сердце и пустить корни. Хочу знать, о чем ты думаешь, хочу слышать твои чувства и ощущать их, как свои собственные. Мне необходимо быть с тобой в одном теле, в одном пространстве и времени. Целиком и полностью.

И он улыбается в ответ на мои мысли. Я чувствую это, потому что все еще прикасаюсь к губам, отравленными похотью и ненавистью. Он говорит, что любит меня и пришел за мной. Пришел за мной...

Яркий свет разрывает полотно ночи, взрываясь прямо перед моими глазами. Он слепит меня, но я все вижу. Вижу, как голое тело, прекрасное в своей гибкости и силе, поднимается надо мной девятибалльной волной. Его лицо искажено ненавистью, которая вот-вот превратиться в мою смерть. Максим резко заносит руки над головой. Его руки сжимают окровавленную битую и с бешеной скоростью несутся на меня. Я открываю рот, и истеричный вопль вырывается из моей груди.

Я подскакиваю, крича, бешено размахивая руками. Открываю глаза и сумасшедшим взглядом оглядываю комнату. Я абсолютно уверена, что Максим сидит на краю дивана с ножом в руках и адской ухмылкой на лице.

Но комната пуста.

– Максим?

Мой собственный голос кажется мне чужим – слишком

тихим, слишком трусливым.

Я смотрю на дверь, и мне кажется, что я вот-вот слышу шаги в коридоре – медленные, неторопливые. Я совершенно уверена, что сейчас откроется дверь, и он войдет сюда, улыбаясь, вытирая мокрые руки о мое кухонное полотенце. Он посмотрит на меня и скажет: «Привет».

Но никто не появляется.

Я смотрю на часы. Семь пятнадцать утра. Поспала всего час.

Я поднимаюсь с дивана. Ступая по ковру голыми ногами, я тихо крадусь по своей квартире. Пройдя комнату до конца, я выхожу в коридор. Никого. По коридору три шага и налево – комната Соньки. Пусто. Дальше по коридору ванная, туалет. Там никого. Кухня – никого.

Я выдохнула. Во всей квартире я совершенно одна. Только теперь я услышала свое собственное сердце, от которого в ушах долбило, как отбойный молоток. Когда-то, очень давно, в прошлой жизни я уже проживала все это. Сердце, вылезающее из горла, руки и спина в холодном поту, пустая голова в которой кроме ужаса нет ничего. Это было так давно. В прошлом столетии. Но теперь, когда я стою на своей собственной кухне в одном нижнем белье, с растрепанными волосами, расшатанными нервами и холодными от страха конечностями, я буквально кожей чувствую, как схлопывается время, как в огромную черную дыру падают секунды, минуты, часы, месяца, как она сжирает год моей беспечной жизни.

ни, в которой не было места ужасу и страху. Там, за границей вчерашнего дня, все было просто и самой большой проблемой было отсутствие моего любимого йогурта в магазине. Но сейчас – год сожран, его нет, и стоя на кухне в одном белье я снова чувствую себя, как в «сказке». От этого слова волна мурашек прокатилась по моему телу.

Что мне теперь делать? Что делать, когда в своем собственном доме я не чувствую себя в безопасности? Куда бежать? Мой дом больше не моя крепость и, судя по тем знаниям, по секрету поведала мне «сказка», никогда ею не был. Теперь я точно знаю – моя квартира не убежище, моя квартира – четыре стены и дверь. Любой замок можно открыть, любое убежище – взломать, если у тебя есть подходящий инструмент.

«Любая искалеченная психика... а мы ведь не сомневаемся, что она у меня именно такая...?»

Мы не сомневаемся. Ни секунды.

И что же прикажешь мне делать, Максим Андреевич? Что за фарс? Что за странная тяга к пафосу? Что за представление, мать твою? Что за желание устраивать цирковое представление из публичного линчевания? Почему бы просто не прийти ко мне и не сказать: «Все, Марина Владимировна, отпуск закончился. Собирай вещички. Добро пожаловать в мой личный ад». Зачем мариновать меня и изгаляться? Как мне расценивать все это? Как понять, что именно происходит? Ты просто пытаешься превратить мою жизнь в чистили-

ще, забавы ради, или это совершенно ясный для тебя, но абсолютно непонятный мне жест, приглашающий меня в твою жизнь? Тебе там скучно или ты соскучился? Что мне-то теперь делать? Можно жить своей жизнью или бросить все и мчаться к тебе? Можно ли мне жить своей жизнью, Максим?

Мое лицо скривилось от подступающих слёз. Я закрыла его руками и приказала себе заткнуться. Хватит, королева драмы, наплакались уже.

Я развернулась и пошла в ванную.

Я вышла из машины и громко хлопнула дверью. Кнопка на брелке, короткий писк сигнализации и звук закрывающихся дверей. Подняла голову и посмотрела на невысокое здание передо мной – скромно, но со вкусом. Пожалуй, нарочито скромно, потому как денег тут – куры не клюют. Об этом буквально кричит качественная отделка и огромные окна. Даже ручка двери – монолитный кусок витого стекла – кричит о том, что просто, не значит дешево.

Внутри прохладно, работает кондиционер и где-то на заднем плане глухо бормочет телевизор.

– Добрый день, – говорит мне администратор и улыбается шикарней, искусственной улыбкой. – Чем могу Вам помочь? Думаешь добрый? Ну, как знать...

– Здравствуйте, – говорю я. Натягивать на лицо улыбку у меня нет ни сил, ни настроения. – В двести сорок пятую можно?

К нему пускают не всегда. Бывают хорошие дни (их гораздо больше), и тогда проходишь без проблем, но иногда, очень редко, все плохо и тогда, как бы ты не упрашивал, как бы ни уговаривал, никто тебя дальше администратора не пропустит.

Девушка опустила неестественно длинные искусственные ресницы и пробежалась взглядом по листку формата А4 – там были номера палат и фамилии постояльцев, проживающих в них.

– Николай Петрович?

Я кивнула.

– Одну минуту, пожалуйста.

Девушка подняла трубку и набрала короткий внутренний номер. Там быстро, как и всегда, сняли трубку. Я слушала, как она общается со старшей медсестрой и думала, как же разительно это место отличается от казенной больницы. В казенной психбольнице я была лишь тогда, когда получала справку для водительского удостоверения, но то была поликлиника, а не диспансер. Но я могу вообразить, что разница между государственным диспансером для сломанных тел мало чем отличается от диспансера сломанных душ. Но здесь... все вежливые и улыбчивые, здесь весьма недешевый ремонт и приятно пахнет, здесь тихо и безлюдно, никаких очередей. Здесь буквально пахнет деньгами.

Девушка положила трубку:

– Да, к нему сегодня можно. Только нужно будет немного

подождать, потому что они только что ушли завтракать.

– Хорошо.

– Можете пройти во внутренний двор, если желаете.

– Да, спасибо.

Девушка повела меня широким светлым коридором, мимо дверей, сквозь арки и лестничные пролеты, и вскоре мы вышли во внутренний двор. Здесь девушка оставила меня, пожелав мне всего хорошего. Я пошла по узкой бетонной дорожке сквозь аллею с невысокими насаждениями. Густой кустарник вдоль дорог и редкие, но огромные, раскидистые ели. Однажды я поинтересовалась у одной из медсестер, почему только ели. Она сказал, что этим деревом весьма проблематично нанести увечия себе и другим. А я-то думала, потому что пахнет вкусно. Одна из лавочек стояла как раз у подножия огромного дерева, и в это время дня оно бросало длинную, густую тень на скамью. Я села на неё и стала ждать. Здесь не было ощущения больницы – мне казалось я сижу в одном из парков, что остались еще с советских времен, но заново восстановленных и приведенных в пригодное состояние. Да, здесь не играли в салки дети, не гуляли новоиспеченные мамы с колясками, не было здесь и стариков, подставляющих свои лица солнцу. Здесь никого не было кроме меня. Потому как здесь есть распорядок. Здесь не гуляют поодиночке. Здесь никто ничего не делает сам по себе и каждый под строгим надзором. Здесь человек не принадлежит себе. Здесь человеческую жизнь передают в бережные руки

хранителям разума. За нехилые деньги, разумеется.

Открылись двери в самом дальнем углу и во двор высыпали люди. Они шли неспешно и странным образом сразу же рассыпались по двору, словно соблюдая, известный только им, порядок, как будто весь периметр – огромная шахматная доска и у каждого было свое место, свой отведенный только ему квадратик. Один из них – высокий, коренастый, с широкими плечами, которые безвольно висели, словно из них выкачали половину воздуха, поднял глаза, отыскал меня взглядом и направился к моей скамейке. Он шел, заложив руки за спину, но почему-то глядя на него, я была совершенно уверена, что если бы были карманы, он запихал бы руки в них. Хотя сейчас он выглядел гораздо лучше, в его походке все еще оставалось что-то шаркающее. Теперь, когда он отмыт, откормлен, пострижен и одет в чистое, он ничем не отличался от здорового человека. Отличия начинались лишь тогда, когда он начинал говорить.

– Здравствуй, – прохрипел он, а затем вытянул нижнюю челюсть и потянул подбородок вверх.

Господи. Этот жест я не забуду никогда. Никогда. До конца дней своих буду помнить и это жуткое движение и то, как он врезается в стекло, размазывая кровь и крича мне...

– Как дела? – спрашивает он.

Несколько мгновений я молчу, потому что слишком уж красочно и незабываемо порой прошлое. Особенно то, что снится тебе в кошмарах.

– Бывало и лучше, – говорю я на выдохе.

– У меня т... т... тоже, – говорит он и улыбается.

Он перестал выплевывать слова, но начал заикаться. Я смотрю на него и думаю, что ради этой улыбки я и прихожу сюда. Мне важно видеть это. Я хочу смотреть на неё и думать, что человек лишенный прошлого и будущего, живущий исключительно сегодняшним днем, без надежд и разума, человек, у которого больше ничего нет, все еще улыбается. Он все еще шутит! А потому, Марина Владимировна, закрой свой рот и не хнычь! Не тебе говорить, что все плохо. Не тебе жаловаться на судьбу, куда ты и твои близкие живут по ту сторону жизни, а не по эту. Каким бы холеным, каким бы блестящим не было это заведение, это все-таки больница. Так что закрой рот и улыбайся, потому как если уж человек, который ради выживания жрал людей, умудрился остаться человеком, то у тебя точно нет оправдания твоему нытью. Я улыбнулась ему:

– Посиди со мной.

Он долго и неуклюже садиться на скамейку. Я наблюдаю за ним. Наблюдаю за тем, как отчаянно он старается подчинить себе свое тело.

– Что тебе говорят врачи? – спрашиваю я, когда он, наконец, усаживается.

Он снова вытягивает подбородок вверх:

– Прогноз неутешительный, – говорит он. – Жить буду.

Мы оба смеемся. Я – тихо и искренне, он – хрипло и с

огромным трудом.

– Перестань, – говорю я, – Это же хорошо.

– Думаешь? – снова этот жуткий жест. – Я все еще хожу п... п... под себя.

Он снова смеется. Я улыбаюсь и смотрю на огромного мужика в больничном одеянии:

– Это пройдет. Ты с этим справишься.

– А даже если и нет (снова вытягивает подбородок вверх), это не самое худшее, что было со мной. Я п... п... почти как на курорте.

Снова улыбка озаряет его лицо. Максим говорил – он был трусом. Странно, но на труса он не похож. Трусы так себя не ведут. Трусы ведут себя, как я. Трусы, ноют и скулят, трусы ревут в свои кулаки, трусы...

– У тебя что-то слу... случилось? – спрашивает он.

Я смотрю на него и думаю – как же так получается, что человек, официально считающийся психом, задает правильные вопросы?

– Случилось, – киваю я.

Из больницы я уехала перед самым обедом. О чем можно столько времени говорить с умалишенным? Много о чем. Но иногда, и, признаюсь, это пугало меня, мне совершенно не важна суть беседы – сам факт нашего разговора успокаивал меня. Не знаю, с чем это связано, но порой даже сущая безделица, летящая из уст Психа, была способна вселить в

меня уверенность в завтрашнем дне. Правда, в этот раз была не безделица. В этот раз мы говорили о вещах серьезных. Настолько серьезных, что садясь в машину, я не могла отделаться от чувства, что Псих сидит на соседнем сиденье – его голос звучал в моей голове и вторил гласу моего разума и этот жуткий дуэт поражал своей спетостью – либо он не такой псих, каким кажется, либо я не настолько вменяема, как надеюсь. В любом случае, мы оба думали об одном.

Ключ в замке зажигания повернулся, мотор заурчал, я включила «D» и сдала назад. Развернувшись на пустой стоянке больницы, я поехала, куда глаза глядят. Куда именно ехать разницы нет, ведь где бы ни оказалась, дворняга меня по запаху отыщет. Отыщет и затащит в свою конуру. Я выехала на шоссе. Открыла окно, и прохладный июльский воздух ворвался в салон. Потянулась за пачкой сигарет, открыла, достала одну и прикурила. Одна большая затяжка во все легкие. М-м... как же приятно иметь маленькие слабости, которые доставляют столько удовольствия. Интересно, а для Максима и его друзей убить человека так же просто, как для меня выкурить сигарету? На что похож кайф, который они ловят? С чем его можно сравнить и можно ли вообще?

Меня заставил подпрыгнуть гудок позади меня – огромная черная махина, тонированная, начищенная до блеска, без каких-либо опознавательных знаков на капоте подперла меня сзади, истошно давя на клаксон. Я поперхнулась. Руки задрожали мгновенно. Не снижая скорости, я прижалась

к обочине, давая проехать. Машина набрала скорость, объехала меня и, поравнявшись со мной, открыла окно – оттуда на меня уставилась молодое лицо, обезображенное раздутым самомнением, пыталось что-то кричать мне. Увидев бледное от страха лицо, оно, очевидно записало ужас в моих глазах на свой счет и, самодовольно крикнув мне что-то напоследок, нажало педаль газа в пол и рвануло вперед, обгоняя меня, словно я припаркована. Дрожащий выдох в полной тишине. Я включила поворотник, свернула на обочину и остановилась. Дальше ехать я не могла. Меня колотило, я задыхалась и тряслась, словно сама смерть пронеслась мимо меня, разминувшись со мной в нескольких сантиметрах. Нет, так жить невозможно! Так нельзя жить! Каждое мгновение, каждую секунду я словно муравей на деревянной скамейке и кто-то большой и всевластный стоит надо мной с увеличительным стеклом и всё, чего мы ждем, это когда выйдет из-за туч солнышко. Я так не могу жить, иначе стану соседкой Психа по палате. Что мне делать? Гребанный вопрос, набивший оскомину за последние двадцать четыре часа. Все, что в моих силах – набрать номер, заканчивающийся цифрами 0715 и задать этот вопрос человеку на том конце провода. Он-то точно знает ответ. Но что потом? Явиться к нему, обернутая подарочной бумагой? А может плащ поверх костюма Евы? Да вот только от одной мысли о том, чтобы проехать весь город и выехать на трассу, ведущую в санаторий «Сказка» завязывает в узел кишки и делает эту задачу непосильной. Сама я

этого не сделаю. Так же, как не смогу шагнуть с крыши десятиэтажки, выпить горсть снотворного или полосонуть по венам опасной бритвой. У меня не хватит на это силы воли, так же, как не хватило в свое время на то, чтобы дожидаться пока он уснет рядом со мной, а затем залезть на него сверху, положить подушку на лицо и навалиться всем телом.

Потому, что я редкостный трус.

Все, что могу – терпеливо ждать своей участи.

Смиренно.

Я выдохнула и включила поворотник.

Черт меня знает, зачем я поехала в этот торговый центр. Возможно, это инстинктивно и я свято верю в то, что среди толпы я в безопасности. Глупо. Очень глупо.

Я гуляла по торговому центру, набитому людьми, бесцельно шатаясь от одного магазина, к другому. Я толком не замечала, куда заходила и на что смотрела. В какой-то момент включилось осознание картинки перед глазами, и я поняла, что смотрю на витрину, забитую армейскими ножами.

– Ищите подарок мужу? – спрашивает меня продавец.

Я рассеяно замотала головой и вышла из отдела.

Огромный коридор битком набитый людьми и кучей ненужного хлама. Тут и там бесконечные ряды отделов с яркими, красочными витринами, предлагающие вам сотни тысяч вещей, которые вам не нужны. Люди, как поток, живой и способный мыслить, перетекают из одной стеклянной ко-

робки в другую, в третью, в четвертую, и, глядя, как эта живая масса медленно растекается по пространству вокруг меня, я думаю – неужели все, что вы выносите отсюда, все за чем вы едете сюда делает вас счастливыми? Неужто, всё это вам действительно нужно? А потом виновато опускаю глаза – мне тоже без этого никак. Я такая же, как вы. Я тоже хочу иметь кучу ненужного хлама в своих четырех стенах, да побольше, подороже. И обязательно со скидкой, а иначе никакого удовольствия.

Тут краем глаза я замечаю знакомый силуэт – я поворачиваю голову, но не успеваю – человек растворяется в толпе. Но запуганное сознание уже начало судорожно подбирать лица, подходящие по крошечный кусок головоломки, который отпечатался в кратковременной памяти. Я уже видела его. И не единожды.

Я верчу головой, пытаюсь найти его снова. Не для того, чтобы узнать – это я уже сделала, а для того, чтобы убедиться, что именно его я увидела только что. Что моя взбудораженная фантазия не нарисовала того, чего нет. Толпа пестрит и гудит. Она сбивает меня с толку. Мне снова становится нехорошо и временное спокойствие, которое подарила мне безликая публика, начинает сходиться на нет. Теперь люди, закрывавшие меня живым щитом, стали превращаться в тайных агентов, наводнивших всю территорию торгового центра. То, что было на моей стороне, стало моим врагом. Я вертела головой, пытаюсь найти его, но он как сквозь зем-

лю провалился – лица и тела прятали его, словно были с ним заодно.

Я сорвалась с места и очень быстрым шагом направилась вперед. Я летела сквозь людей, которые не торопясь прохаживались между лавочек и кадок с искусственными пальмами, и совершенно нелепые мысли приходили мне в голову. Почему половина из них прётся мне навстречу? Люди, у нас в стране правостороннее движение, а потому идя по левой – вы идете «против шерсти». Какого хрена? А потом мне приходит в голову жуткая картинка, где в торговом центре люди ходят стройными рядами по «правильной» полосе и стало страшно. Это было бы похоже на стадо роботов – механизированных, выдрессированных и жутких в своей пустоте. Уж лучше как попало. В конце концов, именно этим человек и знаменит – он везде сеет хаос.

Кто-то наткнулся на меня, сбивая плечом. Я подняла глаза на мужчину.

– Простите, – пробубнил он и двинулся дальше, скрываясь в толпе.

А я пыталась унять ошалевшее сердце. На место, мать твою!

И тут слева я увидела его снова. Он шел ко мне, улыбаясь невинно и дружелюбно. Но, как и тогда, где-то в прошлой жизни, когда карточный домик, что я называла своей жизнью, сложился, разлетаясь на составляющие, на его лице застыла жуткая смесь – губы улыбаются, заворачивая сво-

ей красотой и плавностью форм, а глаза смотрят на тебя с неистовой злобой, от которой все нутро покрывается льдом.

Херувимчик. Но Максим зовет его Белкой.

Он быстро покрывал расстояние между нами и это, в буквальном смысле слова, столкнуло меня с места. Понимая всю тщетность и бессмысленность своих поступков, я все же ускорила. Стараясь не сорваться на бег, я протискивалась сквозь людей. Я оглядываюсь – лицо парня неправдоподобной, совершенно неземной красоты, приближается ко мне гораздо быстрее, чем я рассчитывала. Я повернулась и, плюнув на все меры предосторожности, побежала, уже не видя, как красивое лицо, вспыхивает азартом, как губы обнажают хищный оскал и откуда из глубины молодой груди вырывается тихий смех.

Толпа играет не мне на руку – как оказалось, я не так проворна, как девятнадцатилетний парень, а потому очень скоро я услышала его голос за своей спиной. Или мне показалось? Люди оглядываются на нас, и я понимаю, что несколькими минутами позже к нам присоединится полиция. И я не уверена, что она будет на моей стороне.

Слева показалась огромная лестница, ведущая на подземную парковку, и я побежала туда, открывая второе дыхание. Но прежде, чем ступить на первую ступеньку, ведущую вниз, мой взгляд видит в толпе еще одно знакомое лицо. Я услышала свой собственный стон, приглушенный гулом людских голосов и моим тяжелым дыханием – наперерез общему по-

току, с другой стороны от Белки ко мне бежит Низкий. На его лице застыла та же улыбка, что и на губах Белки. Когда убегаешь от собаки, она непременно бросается на тебя. Это инстинкт.

Я бросилась по ступеням, летя вниз дурной пулей. Здесь поток людей был гораздо реже, а когда очередной лестничный пролет закончился, открывая взору бетонную коробку размером с футбольное поле, я поняла, что совершила непростительную глупость – в десять утра субботы парковка была совершенна пуста. Некому кричать, некого позвать на помощь. И только теперь, выбежав в широкий проход между рядами припаркованных машин, я поняла, что передо мной длинная прямая, где решающими будут два фактора – скорость и вес. И оба эти фактора лишают меня самых последних шансов на успех.

Позади послышались быстрый топот и смех.

Ну ты и дура, Марина! Но теперь это не важно. Дура или нет – рви когти!

И я помчалась со всех ног. Я летела так, что ветер свистел в ушах. Ноги стали не моими, я их просто не чувствовала, но слышала, как к моему топоту прибавились еще две пары ног. Я слышала их смех, сквозь собственное дыхание. Резко, в одно мгновение мне стало страшно, как никогда, и я побежала быстрее, чем была способна. Сердце сотрясало мое тело изнутри, адреналин взрывал нервную систему, голова отключилась. Только тело, только ощущения. И работало. Где-то

сзади послышалось удивленные голоса. Не сомневаюсь – эти ублюдки знают, где моя машина припаркована, и все на что мне остается надеяться – что они не спустили мне колеса, прежде чем начать увлекательную гонку. Я достала ключи из кармана и услышала, как телефон мой телефон выпал и разлетелся вдребезги о бетонный пол, но я даже не думала сбавлять ход. Только бы успеть добежать до машины, а там я уверена, что снесу любого, кто встанет на моем пути. Только бы добежать! Я нажала кнопку сигнализации, и моя машина послушно отозвалась в самом дальнем конце стоянки. Это плохо. Это очень плохо. Слишком далеко. Такой темп я просто не выдержу. Послышался восторженный вопль – мои преследователи завелись. За год беспечной жизни я и забыла, каких уродов носит на себе Земля. Их движения были быстрыми, тела гибкими и легкими, и они стремительно сокращали расстояние между нами. И вот я уже надсадно дышу, забирая из тела последние силы. Все, на что мне приходится надеяться – это моя хитрость.

Я резко свернула в очередной проход между машинами. На что рассчитывала – не знаю, потому как совершенно очевидно – нет у меня ни хитрости, ни мозгов. Видимо я предполагала, что я меньше, а значит, в узком пространстве между машинами у меня будет фора. Но я не учла один из главных факторов – полнейшую безнаказанность. Пока я пробиралась между лакированных боков автомобилей, Белка и Низкий выбрали кратчайший путь – они запрыгивали

на капоты и крыши, то пролетая над ними, как паркурщики, то нагла топча чужую собственность ногами, оставляя вмятины на железе. До моей машины оставались считанные метры. Я стиснула зубы, выжимая из себя последнее, выходя на финишную прямую.

Его правая рука вцепилась в мой свитер – ткань затрещала, но выдержала напор. Меня резко затормозило, как при лобовом столкновении, моя кофта натянулась, как ремень безопасности, но тело продолжало движение вперед, подчиняясь инерции, и если бы не левая рука, схватившая меня поперек груди, я бы потеряла равновесие. Низкий прижал меня к себе и я спиной почувствовала жар его тела под одеждой и бешенное сердцебиение внутри грудной клетки. Его смех зазвенел прямо над моим ухом, перемешиваясь с быстрым дыханием. Я дернулась, пытаюсь высвободиться из его лап, но правая рука быстро перехватила меня поперек живота и парень, а пол головы ниже меня, легко оторвал меня от земли, заставив меня беспорядочно размахивать руками и ногами. Я заорала, но он, вернув меня на землю, закрыл мне рот и потащил за собой. Я брыкалась и пыталась цепляться ногами за землю, а руками за все, что могло попасться. Низкий ощутимо сдавил мой живот. Я замычала.

– Ты поаккуратней там, а то Фокусник с тебя шкуру сдерет, – пропел Белка, который медленно приближался к нам. Его нежный голос смешивался с тихим смехом, в котором отчетливо звенел восторг. Для них это всего лишь игра, и я

немало развлекла мальчиков.

– Не сдерет, – прошипел Низкий, но ощутимо ослабил хватку.

Белка захохотал и, поравнявшись со мной, выхватил у меня ключи из рук. Он нажал кнопку брелка. Моя машина отозвалась коротким писком, и я поняла, что мне не хватило несколько несчастных секунд – мы были в нескольких шагах от моего багажника. От отчаянья я взвыла, но тут же задохнулась в ладони, стискивающей мой рот. В моей голове звенел лишь один вопрос – когда же появиться охрана торгового центра? Камер тут видимо – невидимо. Неужели человек, сидящий у монитора, не задался вопросом, куда меня тащат двое молодчиков?

Меня буквально запихали на заднее сиденье моей же машины. Белка сел рядом со мной и с нежностью бывшего любовника обнял меня и прижал к себе. Я дернулась и попыталась оттолкнуть его.

– Спокойно, спокойно, сладкая моя... у нас есть разрешение вколоть тебе снотворное, если ты будешь дурковать. Хочешь баиньки?

Я мотнула головой.

– Ну, тогда сиди спокойно.

С этими словами он крепче прижал меня к себе и своими руками, словно наручниками, обвил мои запястья.

– Чего ты там вцепился в неё? – спросил Низкий, который плюхнулся на место водителя и теперь смотрел в зерка-

ло заднего вида. На меня он не смотрел, как и Белка. Они вообще общалась между собой и обо мне речь шла исключительно в третьем лице.

– Та еще сука... – заулыбался Белка. – Ты забыл, как она в прошлом году на тотализаторе голыми руками Фокуснику вену на шее вскрыла?

– Помню, помню... – пробубнил Низкий и странно хохотнул.

– Не хочу сиденья запачкать, – засмеялся Белка, а затем посмотрел на меня и ласково добавил, – Психопаточка...

– Да пошел ты на хер! – рявкнула я.

– Ну, вот зачем ты так грубо? Нормально же общались...

Мотор машины завелся, включилась аудиосистема и из колонок зазвучали Fall Out Boy «This ain't a scene, it's an arms race».

– Ух ты, олд скул! – обрадовался Низкий.

– Олд скул это Aerosmith и Машина Времени, идиоты.

– Ну, кому как, старушка, – сказал Белка, едва не касаясь моей щеки губами.

Машина тронулась и медленно выехала в проезд между рядами машин.

Я подняла на него глаза:

– Почему Фокусник? – спросила я, глядя в хрустальные голубые глаза, обрамленные кукольно-длинными ресницами, слушая, как заходиться в груди мое сердце. Белка долго смотрел на меня, с любопытством разглядывая мое лицо, а

затем спросил:

– А что, он не рассказывал тебе?

– Не рассказывал чего? – спросила я, чувствуя, как кристаллизуется кровь в кончиках пальцев.

Белка улыбнулся одними губами, потому как в голубых глазах снова вспыхнула ничем не прикрытая ненависть:

– То есть ты трахалась с человеком, о котором совершенно ничего не знаешь?

– Можно подумать ты узнаешь подноготную до десятого колена, прежде чем вставить кому-нибудь...

Белка оскалился. Я напугалась. Он был жутким. От его улыбки по телу побежали мурашки, и не только потому, что улыбка эта всегда половинчатая, и распространяется только на губы, а потому, что невозможно узнать по его лицу, скалиться он или улыбается.

Его лицо смягчилось, взгляд задумчиво заскользил по моему лицу, а затем он сказал:

– Мы все ложимся в постель с незнакомцами, – затем он немного помолчал и добавил. – Сама у него спросишь.

Мои внутренности ухнули вниз.

Глава 3. Кусок белого золота

Долетели мы быстро. Всю дорогу в машине гремела музыка, но гораздо громче грохотало мое сердце. От страха я не запомнила и половину пути, ведь под боком у Белки не чувствуешь себя в тепле и безопасности – обнимать его все равно, что обнимать работающую бензопилу. Когда на горизонте показалась исполинская туша санатория, мой инстинкт самосохранения снова дал знать о себе. Когда меня вытащили из машины я орала, брыкалась, пинаясь, кусалась – в общем, делала всё, что никак не помогло бы мне сбежать. Но и остановить себя я уже не могла – страх напрочь выключил логику, и я превратилась в конченную идиотку. Знакомой тропой меня затащили внутрь «Сказки», только на этот раз, в двенадцать часов дня, здесь было тихо и совершенно безлюдно – раскрашенные улицы были непривычно пусты, витрины и уличное освещение погашены, а из темных глазниц окон смотрела непривычная пустота.

Снова я здесь!

Мои нервы не выдержали – я визжала и материлась под звонкий смех моих конвоиров. Раз от раза я пыталась бежать, но сдерживаемая крепкой рукой Белки, я лишь усугубляла и без того безрадостное положение дел – они буквально впитывали мой страх и становились все радостнее, все сильнее по мере того, как мы приближались к огромному зданию

– сплошь бетон и стекло. Раньше этого здания раньше не было – оно выросло над «Сказкой» уже после той жуткой ночи, что я была здесь в первые, и было лаконично, словно отпетый клерк самой уважаемой юридической конторы этой планеты – чистенький, блестящий и совершенно безликий. А потом я сдалась – меня затрясло, драться я перестала, зато дышала, как загнанная лошадь, и пока мы поднимались по лифту, я всей душой желала глобальную катастрофу на свою голову – цунами, наводнение, пожар – что угодно, только не сюда.

Лифт поднял нас троих на двадцатый этаж, двери открылись и меня вытолкнули в узкий, чистый, очень короткий коридор, который заканчивался огромной двустворчатой дверью – так обычно выглядят конференц-залы. Без тени стеснения Низкий толкнул тяжелую дверь, и мы трое гордо вошли в большую комнату.

В центре – огромный овальный стол, окруженный кожаными креслами с высокими спинками, где восседают два десятка мужчин и женщин в строгих костюмах. Все, как по команде, обернулись на нас, но никого из них я не заметила – все мое внимание сосредоточилось на человеке, сидящем за противоположным концом стола. И в тот момент, когда он поднял на меня глаза, всю полетело к чертям собачьим – белый свет рухнул в небытие, вселенная остановилась, замораживая время и мое существование. Серые глаза вонзились в меня, и я забыла все, чего так боялась. Радужка цвета чистейшей стали, высокие скулы, курносый нос, и жили-

стая, крепкая шея... Сукин ты сын, как же тебе идет белая рубашка! Я-то знаю, что под ней. От воспоминания о рельефе спины, которую я могу воссоздать по памяти с закрытыми глазами до мельчайшей детали, я чувствую, как сжимается моё нутро, превращая мой страх в сладостное вожделение, в котором растворяются мои истерики и огромной, темно-фиолетовой лилией распускается женщина внутри меня – она заслоняет собой все, она заставляет меня кусать губы от одного единственного желания – упасть на колени и ползти к нему, не замечая удивленных взглядов и раскрытых от удивления ртов, свернуться калачиком у его ног и ждать прикосновения горячей руки, как манны небесной... Сволочь! Моральный урод. Ублюдок... Ты хоть знаешь, сколько времени у меня ушло, чтобы попытаться забыть рельеф твоих губ? Наверное, догадываешься, судя по улыбке, расцветающей на твоих губах. Знаешь ли ты, как долго мне пришлось отучиться сравнивать твои руки, с руками, что прикасались ко мне все это время? Ты хоть знаешь, сколько оттенков твоего прикосновения я помню, с той самой единственной ночи? Знаешь ли, как сильно можно скучать по запаху тела? А мелодия голоса и неповторимый отпечаток интонаций? Мне до сих пор мерещиться твоя ехидная ухмылка в каждом прохожем. Знаешь, что никто не умеет улыбаться так, как делаешь это ты? Как же трудно было опустить эту чертову планку! Господи...

Он раскрывает рот и знакомый до последней ноты тембр,

тихого, спокойного голоса несется сквозь столетия, разбивая вдребезги тот год, что мы провели порознь:

– Подождешь меня? Мы уже почти закончили, – спрашивает он меня, специально дожидаясь, когда пауза достигает кульминации неловкости.

И под взорами двух десятков совершенно незнакомых мне людей я не нахожу слов и просто молча киваю. Белка и Низкий обходят меня плюхаются на кожаный диван, стоящий у стены, задирают ноги на подлокотники, достают телефоны и утыкаются носами в экраны. А я продолжаю стоять на сцене под светом софит на глазах у изумленной публики. Максим обращается к какому-то парню, который через несколько секунд неизвестно откуда достает еще одно кресло, такое же, как остальные и ставит его по правую руку от Максима. Я смотрю на картину вокруг себя и никак не могу отделаться от ощущения нереальности всего происходящего. Театр теней, жуткая аркада, полнейший абсурд. Этого не может быть.

– Садись, – говорит он мне, указывая на кресло.

На негнущихся ногах пересекаю комнату, сопровождаемая взглядами незнакомых мне людей. Тишина такая тяжелая, что давит на барабанные перепонки, словно я на дне Марианской впадины, и я отчетливо слышу свои шаги по ковровому покрытию. Я сажусь на кресло и в какой-то момент слишком ярко, слишком отчетливо, чересчур остро ощущаю реальность всего происходящего, вплоть до света, льющегося сквозь огромные окна и ложащегося на мою кожу тонким

щелком. А еще я всем своим существом чувствую жар слева от меня. Его тело, все его существо – мощнейший ядерный реактор, и эту мощь, эту энергию, прячущуюся за полуприкрытыми веками, чувствуют все. Но только я умудрилась войти в активную зону без защитного костюма. Я не могу поднять глаз и смотрю на столешницу из светлого матового материала, чувствуя на себе его взгляд.

– Ты чего так дышишь? – спрашивает он с наигранным дружелюбием.

Я стораю от неловкости под давлением двух десятков пар глаз. Мелкий ублюдок! А то ты не знаешь...

Собираю все силы в кулак и заставляю себя поднять голову и посмотреть ему в глаза – они улыбаются мне, вторя губам, которые уже не могут, да и не считают нужным, скрывать ликования. Он закусывает губу, нежно лаская взглядом мое лицо, не стесняясь никого из присутствующих, но заставляя меня краснеть за нас обоих. Я смотрю на него и замираю – как же он повзрослел! Я забыла, как в этом возрасте быстро меняется человек, и что одного года достаточно, чтобы приобрести совершенно иную стать – он стал крепче, крупнее, но по-прежнему был изящен в своей мужественности. Вроде бы даже стал чуточку выше. Но главное было не в теле и не в том, что его лицо стало более угловатым, а юношеская округлость уступала место лаконичности и грубости. Дело в том, как он смотрел на меня. Если раньше его наглость, любопытство и хладнокровный цинизм были результатом пе-

режитого ужаса и юношеской бравады, то теперь, до ужаса хладнокровный, прямой и острый, его взгляд имел все основания быть таковым – мальчик оперился, мальчик встал во весь рост, окинул взглядом свои владения, оценил возможности и увидел далеко идущие перспективы. Мальчик превратился в молодого мужчину.

– Лифт у вас не работает, – на выдохе говорю я, стараясь придать своему голосу тот же оттенок беспечности.

Он удивленно вкидывает брови:

– Да ну? – его улыбка расцветает во всей красе, открывая жемчуг зубов. Он переводит взгляд на Белку и Низкого. – И серьезная поломка?

Эти двое отрывают глаза от телефонов и, глядя поверх них, расплываются в жутких ухмылках:

– Не то, чтобы очень, – мурлыкает Белка. – Так... минут пять работы.

– Даже вспотеть не успели, – добавляет Низкий,

– Но теперь все в порядке, – кивает Белка, и они оба тихо хихикают.

Лифтеры хреновы!

Максим, глядя на этих отморозков, при всей строгости и лаконичности момента и своего внешнего облика, мгновенно загорается – искры вспыхивают в его глазах, рот растягивается в широкой улыбке, сверкая зубами. Он снова смотрит на меня. Едва сдерживая хохот, он прочищает горло и поворачивается к людям, сидящим за столом и терпеливо наблю-

дающим эту сцену:

– Давайте закругляться.

Круглолицый, розовощекий мужчина, сидящий ближе всего по левую сторону стола, говорит высоким голосом с отдышкой тучного человека:

– Максим, по последнему пункту так ни к чему не пришли.

– Хм... А что там у нас? А... да. И на чем мы остановились?

Люди, бывшие картонными декорациями, обрели объем и заговорили, и звук их голосов окружил меня, как рой пчел. Они говорили, но я не слышала их, не понимала смысла слов, потоком обрушившихся на меня. Я смотрела вокруг, переводя взгляд от одного лица к другому – вот Белка и Низкий снова уткнулись в телефоны, все еще придурковато улыбаясь, вот круглолицый мужик о чем-то спорит с солидным мужчиной по ту сторону стола, рядом с которым сидит молоденькая девушка – при взгляде на Максима она заливается розовым румянцем. Ох, моя хорошая, знала бы ты, что он такое, ты была бы белее снега.

А потом я снова смотрю на Максима, украдкой скольжу взглядом по шее, плечам, спине, останавливаясь на таких знакомых, таких красивых руках и замираю, открыв рот, потому что вижу обручальное кольцо на безымянном пальце его правой руки.

Людские голоса слились в белый шум где-то там, за пре-

делами моего восприятия, и мир перестает существовать. Я никого не вижу, ничего не ощущаю, и весь мой мир сужается до широкой, массивной, блестящей полоски белого золота. Это кольцо буквально кричало о себе, настолько заметным и настолько неуместным оно было на юношеской руке. Никаких камней и изощренных украшений, только тонкая, изящная гравировка – одно словно, тянущееся по всей длине. Я не могу его прочесть, но вижу большую заглавную «Л» с которой оно начинается. Наверное, имя новоиспеченной жены. Когда он успел жениться? И какая же ненормальная согласилась на это? Потом поднимаю глаза и снова смотрю на девушку, сидящую через несколько кресел от меня, и понимаю – любая. Любая – старая школьная подружка, бывшая девушка, первая попавшаяся. Кто угодно.

Кроме тех, кто хоть раз бывал в сказке...

Вокруг меня все пришло в движение – кресла начали двигаться, люди подниматься с насиженных мест, поток слов все никак не иссякал и кто-то спорил о чем-то, кто-то пытался перекричать кого-то, и во всем этом гаме я сидела и пыталась собрать воедино совершенно разрозненные куски от разных мозаик. Но не получалось не то, чтобы собрать картинку, но даже собрать эти куски в одну кучу. Зачем я здесь? Все наши отношения сводились к безумной игре на выживание и незабываемому сексу, но теперь, когда ему есть с кем спать...

Меня окатило ледяной волной и затрясло. Я подняла глаза – кабинет опустел и только в дверях еще стояли двое и

пытались что-то доказать Максиму, который никого из них не слушая, вежливо но настойчиво выпроводил их из кабинета и закрыл дверь. Он повернулся и посмотрел на меня.

«И началась самая увлекательная из охот...»

Я подскочила с кресла и оттолкнула его в сторону, приготовившись бежать или драться, в зависимости от ситуации. Максим засмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.